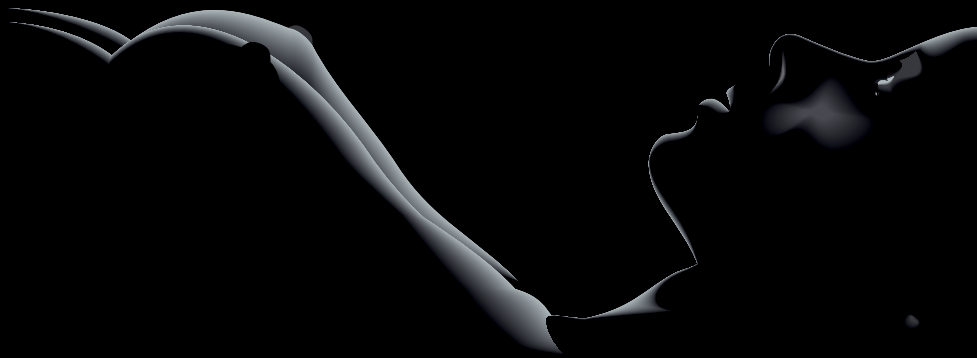

ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ ЛАТВИИ

женская поэзия Латвии

ДЕВИЧИЙ ВИНОГРАД

G

*Аманда Айзпуриете
Майра Асаре
Ингмара Балоде
Байба Декена
Инта Кампара
Лиана Ланга
Луизе Лисмане
Майя Лаукмане
Андра Манфелде
Рута Межавилка
Эмилия Петрашкевич
Дайна Сирма
Рута Штелмахере*

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА

*Перевод с латышского
Сергея Морейно*

ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ ЛАТВИИ

Девичий виноград

Русский Гулливер

Женская поэзия Латвии. Девичий Виноград.
Русский Гулливер, Москва 2014. – 152 с.

Книга выпущена при поддержке Латвийского литературного центра
и Латвийского государственного фонда «Культуркапитал»

Переводчик выражает благодарность
Международному дому писателя и переводчика (Ventspils),
Дому переводчиков Looren
и Европейской коллегии переводчиков Straelen

Идея серии – Олег Асиновский и Вадим Месяц
Составление, перевод – Сергей Морейно
Редактор-консультант – Алда Бароне
В оформлении обложки использованы мотивы фотографий
Massimiliano Uccelletti

Литература латышей до сих пор немного матриархальна. Как и мифология: основные персонажи латышского пантеона, отвечающие за порядок, дом, детей, урожай и даже за искусство, – это богини: Дига, Лайма, Мара, Тикла (в противовес раздолбая Лиго, гопнику Перкунсу и лицемеру Юмису). А декоративный «девичий» виноград – Parthenocissus quinquefolia – в Латвии встречается чаще, чем хмель...

- © Amanda Aizpuriete, Maira Asare, Ingmāra Balode, Baiba Dekena, Inta Kampara, Liāna Langa, Maija Laukmane, Luīze Līsmāne, Andra Manfelde, Ruta Mežavilka, Emīlija Petraškeviča, Daina Sirmā, Ruta Štelmahere, тексты, 1987–2013
- © Сергей Морейно, перевод, текст, 2007–2014
- © Русский Гулливер, издание, 2014

ISBN 978-5-91627-108-9

Я надеюсь, что переведенные и собранные мной в этой книжке стихотворения можно воспринимать как единое целое, как некое место в пейзаже латышского языка, вернее, его реплику на русской почве, выстроенную с помощью фонетических иероглифов. И оттого здесь нет комментария, равно как и сведений об авторах – ни их возраст, ни количество опубликованных ими книг или же полученных за это премий не имеет прямого отношения к нижеследующему тексту. Мне кажется, что при желании всё можно найти в интернете и понять с помощью Google Translator. На выбор поэтов и стихотворений повлияли не только мои личные способности и пристрастия, но и своего рода совпадения: я оставил за бортом многие определенно прекрасные и важные для меня строчки, которые не были переведены по одной-единственной причине – «не сложилось» (по времени и в пространстве). При этом некоторые переложения выполнены настолько вольно, что их проще считать вариациями на тему.

Переводчик

Плыть

Прикосновение воды –
дрожь кожи, мышцы, тока крови,
 дрожь и воспоминания, глубже и ярче тех,
 что присущи памяти человека – подкожная,
 внутримышечная и внутривенная память рыб,
 водорослей и птиц.

Под черепом дышит ледник – на его
 ладони нить моей пуповины.

Прочие нити оборваны – голое
 тело летит в воде, волнуясь, как
 водоросль, как водопад.

Без жалости, без ностальгии –
 мгновение милосердия к изгнанному из
 Эдема.

• • •

Тайная жизнь вещей в этом доме
скоро вытеснит нашу.
Мы не ждем никого, и никто не приходит,
но скрип ступеней громче твоего смеха.
Письма сами себя переписывают, а наши фото
меняясь, изменяют и нас.
Ваза не доверяет мне больше,
сама спускаясь в сад за цветами,
срезает непосаженные нами астры.
Радио включается в тот миг, когда мы готовы
сказать прощай,
и мы проскальзываем один сквозь другого:
как если бы ты был туманом, а я – кинжалом,
как если бы я была мглой, а ты – стрелой.

• • •

предчувствие словно птица
на глянцевом снимке
смотри как она бела и еще на зимнее солнце
смотри как танцуем мы
чисто и просветленно
на утренних световых сабле-голубых
остриях
поддерживая шлейф смерти

но златорунный Овен
Вечный школяр
стучит в двери
и нет у нас
выбора
нас вышвырнут
едва мы поднимем веки

• • •

Я поворачиваюсь к тебе спиной,
вытатуируй на ней
старую довоенную карту.

СНЕГ

В городе что ни ночь тает старый снег
Тает с протяжными вздохами
 тянется сквозь мои сны

Днем гляжу – смотри-ка
 только в канавах
 только в тени еще снег

Будет таять
пару ночей поболит
чуток поболит
и пройдет

• • •

в белом поле метет
не видать леса по сторонам
дома сарая овина риги липы дуба яблони вишни не видать

видно лишь как в одинокой лыжне
кровоточит забвение

ПАРАДОКСЫ НЕВИННОСТИ

так сдержанно пахнут земляникою руки
я пробовала украсть твой ландшафт
текущий от груди к
бедам. и согнуть под углом.
прежде были так небесно
так невинно-белы
те перистые те кучевые
целующие девичий профиль
 это память?
как ладони мулатки.

как ненаписанное письмо
брошенного ребенка
как неудачный снежок
в твое окно.

ночь тепла.
под моим взглядом асфальт седеет
спокоен и тверд
как только что принявшийся снег.

• • •

С каждым днем становлюсь моложе.
Рубцы, оставленные твоими словами, подживают,
Когда вся моя кожа зарубцуется, придет время родиться
заново.
Ты станешь моей матерью.

• • •

думать о *декабре* так долго
полюбить затворника нежного –
 утром золотой штрих на синем
 вспоминается всё, что когда-либо
 слышано о красоте
одинокий затворник приручает птиц
 гнездиться на ледяном оплечье
 он зимний птичий царь
 с летучей мышью в короне
 шум и гам разбиваются
 о его белое тело

Вот *декабрьская* остановка
 всегда кто-нибудь да сходит
 в вечное одиночество
 в дрожащую штриховку зари
 к птицам зимы
 узки и прекрасны глаза страстей декабря
 несущие мудрость и нежность
 знающие ответ

• • •

может быть твои острова обледенеют
и ночью сваренной круто как необбетованные земли
(манящей теплыми руками, приди, вцепись в мои бедра)
запремся на засовы от небес и от звуков
и запируем с ловкостью сладкой пиратов
(как будто не знаем,
что прирасти друг к другу можно робко, но пьяняще быстро)

может быть твои ледники растают
и в созревающей по берегам черничной прохладе
(мы будем чуткими как коты, встав в боевые позы)
вслед за тонкой оплетенной синими жилками нитью
в тебя я отыщу выход к морю

В АЭРОПОРТ

ты как бы едешь в аэропорт забрать меня
но в действительности ловишь такси и едешь лишь обратно
курит шофер и дым бьется в лобовое словно в аквариуме
голос не живет в телефоне живет в парковочной карте
как бы в аэропорт

но обратно (америка становится островом) сжалось в кулак
(освежитель воздуха в джунглях фуры свой выкинул флаг)
пальцы в угле кто-то рисует ту птицу из стихов g. a.

«алкоголи» высохли

(поля свились в свиток)

тушь выплескивается тебе на колени
никто никогда не пел про мужские колени
это еще больше страха еще больше цунами
но в воздухе сами думаются такие думы

километры
вертикальны
между нами

ФЕВРАЛЬСКОЕ

февраль всегда чудовищны,
как-то раз написал мне один знакомый
бессилие, упадок, тупик –
всё это в феврале

давнишний вечер, *цесис*, вокзал, ожидание рижского поезда
лампы в ветвях рисуют мокрые призрачные гало
слякоть, нагота, туман повсюду
февраль повсюду

я думаю об улицах детства
открытых, пустынных, чистых
я думаю о феврялях детства
морозных, искристых, хрупких

обо всем этом я думаю одним июньским полднем
ах, многоцветие бытия, ах, белое золото солнца
закадровый гул моря, рдеющая нежность пляжа
и серебристая линия горизонта целует глаза
и новая садовая мебель пахнет тиком и лаком
и свежескошен газон
и под рукой кофе, ваниль, вино

всё это пронизано и пропитано светом

однако зенит по-прежнему возвращает мысли – к надиру
к трудному, печальному, невнятному, неизведанному
к изначальности, к судьбоносным стыдливим случайностям
// к февралю, мороку, мраку, тяжести, вязкости

я не хвастаюсь: прожито, хожено, сужено, ряжено
намечены маршруты средь городов и людей. четкие ясные тропы
надежные, исполненные уверенности

но рижский февраль неизменно сыр. но рижский февраль
неизменно трагичен:
исполнен ошибок, опасностей. он пробирает человека
насквозь – вплоть
до треснувших костей, хрустнувших хрящей, промозглых печенок
он сминает, прожевывает, плюет

• • •

В наш фонтан набросали ценнейших денег,
потускневшие статуи все зазолотились,
парковый ильм стучит в небесные окна
и люди вокруг надевают более яркие маски,
но у дымки под липами
всё еще чудесное лицо твое
и у вечернего одиночества всё еще
лицо твое злое.

• • •

любой из дней. сидела в снегу.
как кожа. как тесто
крючит пальцы. солнце затекло.
женщины. одна. две
три-четыре.
мороз.
одна. две
три. четыре.
обещания. низко пали.
молочные. не брошенные.
час близится. петух начеку.
женщины. без. мужчин.
пара глаз. с молотка.
три вселенных.
четыре вечера.
дождь. последнее слово.
первый корень. росток. побег.
женщины в снегу.
раз. едва. три.

• • •

снаружи ультрамарин
если включить электричество

рябь приглушенных сигналов
похоже каждый уикенд снег

сумерки час за часом
проявят мои черты квазимодо

живу как играю в прятки
ибо смерть это обнаженность

в окне нагота зари
разбуженные лавины

мы их изнанка

целуй меня своим рыбьим ртом
крой крылами ветряных мельниц

• • •

все стало иным с того дня
когда мы стерли своими руками
 все образы и облики мира
сделавшись больше нежели сильнее нежели просто
 лица руки и плечи
наши дыхания тончайшими линиями
 лепят в воздухе вечера наново –
величественных и благородных птиц
 их крылья над нами
 их голоса – южный ветер
испанку, танцующую пламя
 ее зеркала –
 наши глаза
глубокий и нежный мех леса готовый встретить
 наши тела

• • •

когда я вышла на улицу
подняв руку в весенней ночи
звякнув сантиметрами
и перетерев с шофером
единственное место
осталось возле женщин
одетых в красное

у одной на руках ребенок
у другой кольцо и бутылка пива
ну а третья опустила руки

мы вместе летим над каналом
над дрожащими ряями кораблей
чьи бока изъедены ржой
а якоря на вечном приколе
затем мост делает сальто
заходится плачем ребенок
янтарный колос выплескивается
на резиновый коврик
молочные реки
кисельные берега

«не плачь» говорит первая бордовая
и той второй алой вытирает щеку
«что тушь моя превратилась в маску?
разве я не буду больше прекрасна?»
плоть под одеждой алела
// и снова зашелся ребенок

«перестань»

первая звучит туннельным ветром от близости поезда
тоном сильным как ведро бьющее в сруб колодца
точно так бряквя перекачивается в тележке

«вот здесь остановите»

странно расплылся свет
может быть от прожекторов
а может быть от луны
или от этих воскресших

чреватых трещинами на каждом саженце и побеге
замечаю
лица обеих темны и красны
мы трое неотличимы во тьме

• • •

Чернилами зелеными весны
я подпишусь под тающей зимой.
Роскошный тлен мой:
от четверки вьюг – к четверке стен и
клавишам бездомным, ты до самой

смерти и от кончиков ногтей служил им,
чтобы я шла, как звукоряд, к вершинам
твоей тропой, где и дышать-то нечем,
где наших жизней вечный непокой.

Чернилами зелеными весны
я подпишусь под нашей встречей. Нечем
мне доказать, что подписи верны.

• • •

Будильник тикает и Бог смеется
тому, что мы зовем его часами.

– Черт возьми, – Он говорит, –
в пыли, виниловых осколках,
в том, что чай остыл, что снег растаял,
что реки обмелели, виден
ход *часов*, как
на ладони
ожог.

• • •

май

неискоренимая воскресная гонка ближе к вечеру, на
пути в город. солнце слепит глаза, да
безжалостный блеск асфальта. чувствуешь скорость, да
на море были лебеди. гарь, безветрие
сосед сжигал палый лист
бремя зимы не воспламенялось. горя долго и тяжело,
саднило
брачные ритуалы термитов, да, металлический блеск незабудок
необъятность небес, да

В НЕЗНАКОМОМ РАЮ

как тебя искала я в незнакомом раю
даже там словно в снах моих ты ко мне спиной
как всегда не найти ботинок
не выбрать рубашки пожалуйста не надевай ничего клетчатого
не носи чужого

там в риге с талмудом хемингуэя в подоле долго сидела в кругу
роз у памятника свободы один мальчик пил рядом какао-
синтетик одна девочка так спешила очевидно была пьяна
один ударник играл на маримбе и шурил глаза как будто
наблюдал воздушных гимнастов

но по вогнутым мостовым у памятника свободы
никто-никто не шел твоей походкой
тут мне стало страшно –
живи мы совсем в ином месте
под всеми этими цитрусовыми с тарелками полными мидий
среди морских гребешков и летучих рыб – в жгучей анри-
матиссовой синеве и в лимонно-желтых каютах его аква-
рельных яхт

как бы я тебя там нашла как могла бы знать

правда ли, что у нас здесь один лишь парк один памятник
свободы
одна жизнь

• • •

душевное тепло выцыганенное у ветрениц
страждут сирые духом
 выпевают тоскливо
как далеко бы
 могло быть отсюда до моря?
и кто позабыл
 отогнать лошадей –
так в небесах и пасутся
 серые и спокойные
 серые и спокойные
лучатся подземные жилы
 корни и сочлененья
сложим ладошки молясь
оробело
веруя в то, что нас услышат
надеясь на то, что нас
не увидят

• • •

Я остановилась в гостинице, где комната пахла одеколоном.
Под окном танцевали поляки под песню с украинским
ароматом.

Неделю назад на львовских улицах один маленький пес
спасся от большой воды, мне хотелось написать тебе об этом.
После по высохшему небу шарила молния.
Ветер лакал во дворе песок из воронок.

В чужом сне рассказывала тебе, почему все застыло,
большой бульвар просочился в окно и застрял на кухне.
Пальцы, чего бы они ни касались, притрагиваются к седым
волосам.

Несколько необнаруженных мест, пейзаж лицевых мускул.
Снаружи: треск, копоть,
мальчишка на набережной возвращает нам синий зонт –
что-то там прятал,
что-то открыть собирался.

• • •

сидящий под липой на Липовой улице в Лиепае
абсолютно реален
с полей его шляпы свисает
слоник из плюша
розовый синтетический хобот грозен
как рога у берсеркеров на шлемах
пускай броня его пластик
топор – стекло
зато война настоящая
по меньшей мере раненых и убитых выше крыши
и голый король-победитель
дрыхнет на ярком песке отливавшем кварцем вчера
а шелком сегодня
оркестр играет завтрашний туш
по мускусным и табачным нотам

• • •

воздушные невесты реют над огородами
женихи ходят между грядок с огурцами и луком
играют с (ба)бочками пляшут комариную польку
царапают руки с куста поедая крыжовник
в букеты собирают цветы картофеля и укропа
ночью изяшно выпадут невесты в осадок

• • •

Река переполнила наши глаза,
когда стояли, обнявшись,
наши руки вплетались
в небеса, в пески,
 в прибрежные мхи,
как же мы зыбки, мой
милый, как же зябки,
прахом став, восставали,
рассеяны ветром,
воспаряли, воспылали,
воссоединялись,
встав вот тут,
чтобы звучать голосами,
исполненными
кликов, откликов,
чтобы звучать –
как же мы зыбки,
мой милый,
тáя,
ликуя.

ПОСЛЕ ПОТОПА

такая вот первая весна после потопа –
еще ни разу не видела тебя с прикрытыми веками.
обещаю себе поехать к морю, но, безупречно отглажен, от
меня на расстоянии отрекается берег.
в дальних лугах свербят травы, как волосы школьника, под-
стриженные перед летом, ежик.
таинственно гибки в их тени насекомые объятья.
не подпускайте детей к цветнику, поливая сад, учит Жижек,
цветы так вызывающи, так развратны.

наводнение смыло дам с тротуарной плитки. лошади стоят
на хвостах, настоящие статуи, копыто на ядре или сна-
рядном ящике – иначе не удержаться, встав на дыбы,
смотри урок ренессанса, иначе не удержать в бронзовых
стременах владык, нужны три опоры.

деревья вцепились корнями в хребет города.
не вижу, как вдоль него твой силуэт перемещается меж ство-
лов, посеченный светом.
на углах в хрусткой бумаге продают вспышки молний.
ты есть, тебя нет,
кто-то пронесится мимо на скейте, салютуя свежепросохшей
земле.

• • •

помню улица успокоения дымка пополудни однажды в августе
мы курили в заросшем школьном саду листья кленов падали
грациозно где вы друзья да где ваш ликующий голос ваш про-
зрачный смех бессонными ночами пошарпан слегка прокурен

мне нечего больше сказать, голоса в облаках да, однажды

трамваи ходят туда-сюда разнося запах горячего металла
успокоения нет, есть безымянная дрожь в сердце
а я до сих пор хожу по той самой улице
толстая женщина предлагает брошюру о господа нашего
обетованном царстве
лунообразный лик сияет надеждой, ей хочется верить,
что мы спасемся

она твердит без конца
твердит твердит возьмите же, купите надежду
губы шевелятся шепелявят
снова и снова

мы обречены небытию, нам нечего больше сказать

• • •

мы идем касаясь друг друга плечами
твои плечи более зыбкие и топкие чем мои
к твоим кедам времена года липнут чаще чем я дышу
ты говоришь мне что день стал длиннее на целых пять минут
как тот разгильдяй что уже вырос из купленной для зимы обновы
ты лишь говоришь говоришь
а я всё застегиваю все не пришитые пуговицы

ПЕТЕЛЬКА К ПЕТЕЛЬКЕ

1

King Singers

Что они делают, когда окончен концерт? – Прощаясь у выхода, галантно шляпами машут, прежде, чем разойтись, и музыка – звучит ли она в их шагах или плещется в светлых платьях и тех скупых фонарях, что затеплил вечер? И тенор – хлопнет кружку в кругу друзей или стопарь в одиночестве, в барчике, исполненном тишины, где печальная муха бродит по стойке, и баритон – сев в свою ласточку, помчит домой, обнимет жену, поглядит в телевизор, примет таблетку и ляжет спать, перед сном недвижно уставившись в потолок, и никто никогда не узнает, что он там видит, или же все они долгой цепочкой по крышам, мостам и башням города – петь а capella со звездами.

2

Некая рижская радиостанция выслала в ночь погулять саксофон – он сон мой надрезал и, вылизав рану горячим голубым языком, смеялся – попробуй сама, как ходят безногие, я мир из фу-фу строю снова, всё из голубого, ты мне будешь должна! С полпути, на пороге, он сгреб меня, мокрой заплаканной курицей бросив в окно – ты там глянть, не пора ли попробовать воздух, что в чреве моем стал стоном, смехом, всхлипом и крыльями?

Не слышала ничего, что щемило бы круче
одинокого насвистывания в ночной тиши –
словно зов, не верящий в отзыв, как простая
такая весть – эй, слышишь, я здесь,
я тот, кто свистит, сам-с-усам, у меня есть
свирелька, свистулька, меня не увидишь,
не потрогаешь, не пожалеешь, я сам, ничего
мне ни дашь, ни возьмешь, вот сердце только
попридержи, я ножонкой сучу, по камушкам-
мушкам стучу, на макушке шапчонка, ау,
зову – не отзывайтесь, в осторожных кустах
придорожных возня – такова моя песенка,
есть я – нет меня, ух ты, сам себе сирота
я и матушка, вот не грусти только, я
крестный отец слепому туману, лодкам
в черных бухтах и каждому слову,
что пишешь на белых своих листах.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, МЕСЬЕ ГОГЕН

Поль Гоген. «Здравствуйте, месье Гоген» (1889)

(раз)

Я выбираю любые способы жить, умирая.

Я родилась, открыла рот и, гляньте-ка, посмела

(сказать слова, которые

другие выписывают до седины, но я-то) – глупо смею
уходить, приходя, здороваться, прощаясь.

Добрый вечер, месье Гоген, не прикасайтесь ко мне.

Не прикасайтесь ко мне, моя плоть разделена

на завтраки и обеды, ее развоят самолеты и корабли.

(два)

Сижу, смотрю, что делают другие, и шелкаю заколкой для волос.

Когда б так было вечно, я б испугалась – зреют яблоки в саду,

и хоть не Янка пьет молоко (как в том стишке у Иманта),

но мысли брызжут, беспечно озаряя звездам путь – что, не

успею? Зрелость не придет? Не встанет у ворот? А станет

молчать, звонить. лишь взгляд поверх столов, по вьюгой на-

тянутой струне, заснеженной (не заблудиться бы) дорогой

придет, но в двери – нет?

Нечестно так сидеть возле тебя

заколкой шелкать и не знать

мы еще с этой или с той (из двух сторон),

задернуты экраном ночи. Лампа дневного света уплощает тени.

Добрый вечер, месье Гоген. Вам почта. На открытке медная лиса

под сенью леса.

• • •

меня разбудила соседка, просит пятерку на молоко, гляжу ей
в глаза, не даю, а после не могу заснуть, даже накрывшись с
головой одеялом, слушаю детский плач за стеной, на четвертом
этаже кто-то долбит по клавишам, по одним белым
ты говоришь, я твоё piano forte,
всегда мажорное,
задерживаю дыхание,
меня постоянно выдают сжатые кулаки

УТРОМ, ВЕЧЕРОМ

I

Можешь не прятаться за кофейной чашкой.
Утреннее солнце салит точно.
Горячий душ, гренки, обезжиренный йогурт,
Отличная музыка на твоём компактe – вряд ли
Это поможет.
Ты растворишься в тысяче солнечных зайчиков.

II

Я наблюдаю за контуром облака над лесом предместья.
Небеса свободны, просты.
Спокойное воскресное утро, морозец, снежок; погода
благоприятствует полетам.

Серебро и капелька золота. Равновесие циана и мадженты –
плюс капелька yellow.
Черного как пить дать нету. Нету? Пара ворон
промелькнет – пожалуйста, черный.

III

Взмах серых рассветных крыльев.
Бабочки паутинно-нежны. Прикосновение случайно.
Эта ночь сожжена без остатка. Поди нет?

Ты так многозначительно-улыбчив. Глаза твои желты, ай!

• • •

рожок для обуви красный как язык шакала сразу же
после трапезы
каждое утро обнимает мою пятку и вталкивает вглубь туфли
как горка что началась у борта надувного титаника
а заканчивается мячиками на волнах резинового аквапарка

рожок для туфель алевший среди полупустых флаконов
аэрозоля
на полке пыльного стеллажа в прихожей когда я появилась
его оставила прежняя обитательница квартиры
архитектор замков из песка с песочной косицей

как только ее трубадур сделал ноги
рожки в доме сделались запретной темой

ГЕОМЕТРИЯ

я все еще была в пути, а пальцы сумерек уже обрывали хрупкие олеандры и прочую красу за оградой, где вне ботанического пристрастия пахла крапива сквозь кованое железо.

я все еще была в пути, но ту девочку, что вылезла из черной машины, уже ждала бабушка перед домом – или мама, одно окно освещено, какая грусть, платочек в кармане голубого халата, в другом – ключи, вижу, рука прижимается к телу.

я все еще была в пути, и кто-то окликнул друга за садовой калиткой, кто-то сосчитал за морем звезды, кто-то за горами повернулся с боку на бок, а я все прикидывала, как лучше перевести его стихотворение «чворобок»: коробка не коробка, створ не створ, знаю, что не куб.

звонок ожил на руле.

я в пути, а мое Одиноково спит, ан нет, сосед гуляет с собакой.

обычно не здороваемся, но тут нашлась улыбка для той, что, считая точки на карте августа, осваивается с дорогой

• • •

когда шел дождь
мы всё еще смиренно и
яростно повили в шуме
капель насущную весть
о небе отчем доме о детстве обо
всех делах наших и днях и некогда
вызубренном Возлюбил Близнего Своего
мы лежали рядом
открыв ладони покуда
абрисы наших тел
не слились в один
глубоко под нами
перекрестья подземных жил
подмигивали путеводными
звездами кореньям-кометам
зрели змеинные залежи
грунтовые воды зудели и
кости и цапки давно умерших
названивали – Возлюбил Близнего
пока шел дождь
мы знали всё
о любви

• • •

Неприкаянные любят неприкаянных. Любят остро
Неуютный шум города пробуждает лежащих монстров
В угрожающих размеров кроватях, куда сквозь резные рамы
Высекая животные страсти, заплывают света и тени
Но неприкаянные любят неприкаянных. Любят странно
В углу у восьмигранного буфета зудит забвеньё
Перелистывая засаленные календарные страницы с
Народными приметами, рисунками спиц и шерсти
Простыми советами, как не окочуриться раньше смерти
Неприкаянные любят неприкаянных. Любят жалко
А у забвения лицо оборотня. Язык похожий на жало
Проверит все это, каждый факт опробует на зуб
Особенно число *тысяча девятьсот шестьдесят*
На обложке книги, припахивающей карпатским газом
Неприкаянные любят неприкаянных. Любят больше
Поздно осенью любят они с грязной листвой налипшей
На лобовые стекла машин, с мокрым полом, с порошей
Капель на ладонях, любят со звуком, тихо сносящим крышу
Любят с помощью угля, который, если нажмешь, проявляет
Смутный чертеж на смуглой коже сестры. *Алло, вервольф!*
Фиеста за резными рамами к нам не относится больше
Оставь в себе свою боль. Неприкаянные любят больше

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛА ЗЕМЛЕЙ

concordia res parvae crescunt

будь я землей
ты был бы моим посланцем

вставал бы с морем
дул бы ветром в кафе читал бы

неприкаянные любят неприкаянных
смотри птица

неся невербальную весть летит
и
вот уже пыль на страницах
ты вспоминал бы в пути
колонн стройность
витиеватость пальм
отсылал бы домой
виденные в снежных падах
давно минувшие сани

в каменных руках ожиданий
в высоком доме
преображая пяди
виденной тобой глади

говорят мы умеем различать
в ста каплях воздуха триста разных оттенков

мерцающих
вообрази

• • •

Субботнее утро. Семь тридцать.
На дверях в Старом городе шильдик:
«Андерсон. Витолинь. Штейн».

Петли еще не скрипели,
 не квохтал кран на кухне,
 в блаженной прохладе чайник
 ждет, шильдик спит – никто
 не разогнал его дремы,
 не прочитал фамилий, нервно
 не тискал кнопки звонка.

Субботнее утро. Семь сорок.
Нежная дымка и девственный холодок
пахнут целокупностью и хранят
Андерсона, Витолиня и Штейна.
Но разметка уже нанесена на сырой булыжник,
вот-вот проснется Андерсон, за ним остальные,
с охотой или же без нее сочтут первые знаки,
сойдут вниз, где – что это будет, случайный прохожий,
молчащий будильник, облезлый кот, нечто
иное? – их встретит
все, что копилось, мечталось, ждалось.

 Ну, здравствуй, Андерсон,
 здравствуйте все, чья жизнь притулилась
 у плитки с яичницей и присела
 на мокрых торцах.

Семь пятьдесят.

• • •

прежде всего – да не скажу я этого слова: бож

по берегам канала галдят чайки у них ужин
а у тех двоих спирт чист и крепок будто вода
тихий омут канал черный базар-вокзал
в них отражается небо пронзительно как всегда
всегда и везде одинаково сине бело и немо
врут что это начало что начало у лестниц канала
в глубины неба скользит где высшие пофиг и жаль
те двое сидят на пороге
те двое ужинают клубникой на самом деле клубникой
той что остается в конце под столами смятой руками
обслюнявленной ртами
ай сочной сладкой в разбитой фанерной укладке
да не унесут меня одинокую прочь ненасытные ноги

ступеньки заняты
надо успеть до 10
тронуть железную дверь
она-то как раз молчит
смирно сидит
не перед кем юлить
глядит в окно магазина
забранное решеткой. июнь. суббота.
9 и что-то
да дастся еще хоть одно из отмеренных вечностью
холодных мгновений

без четверти
решетка июнь суббота
бордовые губы и боты
у груди крем сорочки

у груди цвет жасмина на котором вот-вот лопнут почки
сахарный песок на пальцах бижу
уже не увижу
стронула железную дверь
машут издали
кроны вечереющие сучья ночные
вся улица незнакома сок стон и омут
оба теперь здороваются
вижу жасмин цветет
опять снова 9

• • •

вчера я встретила Колю пытавшегося выйти через окно
на улицу
его удержал друг Василий однако Коля утратил туфлю
и пуговицу
невзирая на потери он отправился в магазин исполненный
принципов
я робко поклонилась обоим последним принцам с улицы
Принцев

• • •

Капли сумерек незримо роятся в воздухе
в моей памяти город этот
продолжает жить
отстрочен пунктиром
пионово-сиреневых соцветий
провисая меж ними
будто огромный неведомый
едва прикрывающий старые безумные
колени подол
хозяйка по вечерам
возвращаясь домой
нескончаемо дундит одной лишь ей
внятную музычку
с вожделием глядя
уже только
в небо

• • •

дождь обобщает изысканный городской пейзаж
неловкость с которой я достаю из лужи перчатку
миг когда я стираю с подошвы кошачью погадку
служащего поправляющего у дверей ратуши смятое знамя
небрежность с которой ты кивнув покидаешь машину
через все дворы перекличку невоспитанных чаек
дамочку смотрящую на это сквозь стекло размышляя
какой же негодяй выгонит пса помочится

• • •

ластясь мостами, ласкаясь башнями
гулена, расстрига, монашка
ясная, голубая, прекрасная высь
грязно-серо-изжелта-ржавая здесь
всевидящ глаз и всеслышащи уши
равнодушно-
снисходительны лишь
к собственным шуткам
большая уродливая аистиха на крыше
высидит деток
и обкорнает им души
как боярышник в парке
бледной немочью чуть свет на ногах
в угаре, в запаре к вечеру на рогах
падает навзничь в свои огни
бранится, блюет и плюется ими
тысячей ртов и языков
в хороводе вони, пьяни
и мотыльков
запахи, запахи – над улицами и над водами
над движимостью и недвижимостью
живностью и мертвечиной
телами в конвульсиях страсти, стыда и смерти
Вдруг на миг все вокруг затихнет –
сто колоколов на ста языках
возвзысят свой простой чистый голос –
жестокое израненное сердце обращается к небесам
как девочка в платье воскресном
с *Ave* на нецелованных невинных губах
а потом все сначала

Улица

весной этот угол казался светлее
ты проходил мимо и был виден до последней секунды
с новым лицом схваченным внезапной нежностью
теперь
улица обернулась к нам спиной
укрылась жесткими листьями

ты поворачиваешь
прозрачнее свистка из стручка акации ранящей губы
и исчезаешь
в июльской тьме с неожиданно ноябрьскими руками

• • •

Знамя июля над
Лимбажи – измазанные
черникой губы и зубы
цыганской мелкоты.

• • •

вкушай день этот
как черный хлеб
как холопскую пайку
и щедрость меда
глянь: расстелено зелено звонко
можжевел пряный плывет
в березовом сне зрак косули
а у ног млеет затоптанная мольба
легкий кивок в область тьмы
колечко змеи растворенное в соли
«воздай им Господи»

• • •

Проснувшись, с трудом выбираемся из дому, там под сенью деревьев в цвету, а деревья в цвету творят нас бесплотными – так расцветает рассвет рассвечивать наново нас подобающе дню и окнами ветра речного встречь рас-творяя беспечных нас, будто решивших – Да будет! – способных внезапно бледнеть, будто воды, которым в мгновение ока открылись их сила и свет, там нам на заре ободряюще глухо гудят холмы вдалеке и звенят вопрошающе звонко полушки в ладонях – чин-чин. Паучок по утру и баба с пустыми ведерками значат лишь то, что проснулся паук и какой-то бабенке воды захотелось – лишь то и едва ли еще что, как будто беспечно решили – Да будет! – готовы ко всем обычным подвигам, обыкновенным свершеньям, обыденным речам и страстям, следя за тем, как ливень грядет смыть след, не забудь – будто воды, которым в мгновение ока открылись их сила и свет.

Свят грядущий.

Свят.

• • •

шелк рассвета бархат ночи разгладил
сожженный еврей идет по озерной глади
весь мир по-прежнему лишь сердца твоего ради

четкий влажный след на песке проступает за день
солнечный паводок не оставит тоске ни пяди
весь мир по-прежнему лишь сердца твоего ради
неопалимый еврей я знаю на Тебя глядя

АГНЕЦ

мы зверушки сгрудились бок о бок в тесноте хлева
я прижался к женщине на сносях
как почувствовал биение плода в чреве
трепеща очнулся и мне показалось
нет ни стен ни потолка в хлеву нашем
плодные воды залили солому
мы эту солому вместе ели
до сих пор стоит на языке луговая сладость
послед сожрали собаки
дитя в моих ясельках лежало
я его вылизал словно братца
жадно высосал молозивные капли
что случайно мимо рта натекли из груди материнской
нам зверушкам от даров волхвов досталось золото оберток
у меня тысячное потомство
всем та весть знакома

• • •

темнота качнулась в сторону утра
затронутая еще с вечера
ветер чужак – ищет дорогу
нет, не сюда, этот край
вновь бесплоден
тернии полны здесь свидетельств
тому, что человечны боязнь и ошибки
как сон калачиком, палец в рот от испуга
и что проснувшись ты теряешь слова
земля качнулась ближе к востоку
видно уже что день долог
будет и невыносимо ярк
Где моя дудочка, Господи?

• • •

надежда в кулаке смерти. солнце в клубочке мрака
певчих ночных птиц взял в плен запаха сладкий остов
боль обнимает стены
не вижу не вижу Тебя. живы ли братья и сестры?
в непроходимом неведении источники сякнут
то ли Тебя здесь нет то ли Ты центр вселенной

• • •

семь комнат в том доме, а восьмая заперта
прошла семь комнат, а восьмая заперта
спустилась в кухню, там для лукавых ртов ложь, блажь да
кухаркины дети
ногами пинаются, посуду бьют
горячие руки да голодные глотки
просятся к молочному вымечку
в теплый закуток полный неги

семь комнат в том доме, а восьмая заперта
напутствия на дверях семи комнат, а восьмая заперта
напутствия в окнах, но нет тех, кто в пути
топчаны седлают
тапки грызут, балки коптят
сторожко глянут да и встанут сторожко
хватают ножи за оба конца
слова поют полные боли

семь комнат в том доме, а восьмая заперта
но я знаю, знаю, только одна восьмая теплая, не лубяная

РАССКАЗ

об одном человеке, который заплакал при виде новорожденного ягненка. А жизнь не щадила как будто: война гроыхала, гнула, ломала и тут, под носом, и там, на позадиках, такая вот музыка для пацана, такие вот шманцы, смердящие жареным, и на усах не мед-пиво, на усах блевотина страха, и пора, по добру-поздорову, по миру и по́ миру, гол, как сокол, а сам уж не мальчик, но – кому ты здесь нужен, и трудно, уходит жена, друзья кто куда, своего угла йок, но терпишь, цепляешься за одно то, что жить-то ведь хочется, к вечеру так навкалываешься, что хрен уснешь, больно, однако боль все тупее, зажмешь ее, зажмешься и терпишь, пахнет жареным все еще, на усах не мед-пиво, на усах чужого пира похмелье солоно, а чужбина горька, да и сам зачерствел, словно струп, но однажды

утром ягненок припадет к матери,
сядешь рядом на солому и плачешь –
признателен, кроток и счастлив.

• • •

Я чересчур легко писала: всё, конец.
То светлячком горящей сигареты,
то быстрым росчерком шагов бесцельных,
то трубкой не поднятой – она покрыта
палящим инеем молчания.
Любимый мой автограф: немота.
С утра
остывшим пеплом тьмы подернут воздух
и зеркало на стенке в кракелюрах,
как тонкий лед над пустотой.
И кот на кухне охотится
на тощих тараканов.
О если б выжечь
все мной написанное – для нас оставив
лишь то, что будет.

НОВАЯ БОРЬБА

1

у семи нянек ржавеют пеленки
подоконники татуированы огнем и мечем:
 обвести себя самым красным кругом
 неприступным пунктиром Сицилии
 зафиксировать безопасность
 вставить любимых в рамки
 запереть двери
 залезть в холодильник
 одиноким женщинам покормить синиц
 несоленым
 завести будильник
 выбросить пижамы бросить курить
 выключить звук
 отключиться

телеграфистки мертвы
мои друзья не звонят не едят бьют бутылки с шампанским
 практически без кораблей

новый день встает с отлежанными боками
мы мечем жемчуг и закалываем свиней
развозить согражданам пищу опять-таки риск
в нашем молодом государстве чересчур много отчаявшихся
а прочие с деньгами и пищей не вызовут на дом
зато скорая помощь бесплатна
так что телится до последнего
ожидая свалить

дождь ниже нуля это красная ленточка над гололедом трассы
а бегущие с пустыми руками – ножницы

заново прирастают руки к копьё
в треснувшей панораме зарниц апокалипсиса
колодцы звенят пощечинами звонит в панике натянутая тетива
неслышным голосом сулящие всё поезда одолевают в ночи

готические порталы
ползя в таком нежном теплом уютном свете
как не обретший имени змей

надкусаны все яблоки
гниют помаленьку
скользко
сегодня ведра обходятся без воды
осень – трофеи скинуты
под ноги растерянному
триумфатору

роют траншеи боги
и я плачу над собственной силой

ПИСЬМО К АННЕ

Видишь, какое письмо, из одних цитат, вроде бы найти мне хотелось, найти во фразах чужих вроде бы хотелось зашхериться, глаз вырвать дух спереть, да почтарь уже ходит от порога к порогу, вон адресат глядит из окошка – *гей!* – мне покамест не по плечу сквозь фразы пробиться, я помашу рукой, но ты не увидишь – *гей!* – вон она я, только губы у меня слиплись. А вечер нас может ранить иначе – неба синью, заката гарью, грацией тени, обо всем этом и еще о –

несказанное топчется стайкой обок топчется голубиной, руку протянешь, ну и врассыпную и нет

ничего, что бы не было напето, нашептано ты, надеюсь, поймешь, что хотела сказать, говоря что в небесную щель за окном понабились три звезды, воронье гнездо всё там же ну и снова прачки нет дома, а мы с тобой всё еще можем одновременно отдаться ветру и чувствовать, что за запахи он там нам несет.

НОЧНОЙ ПОЕЗД

в окнах вагона ночь дальнего следования нас обоих
перестук кандалный так куда мы попали
чаша? тоннель? эстакада?

на полустанках выскочить надо
пригубить жизнь горячую
вместо постного общего чая

мы перешли все границы давно
таможня отобрала и подавно
спирт сигареты стыд и совесть

переезды закрыты на совесть
матери отцу детям молитвам песням
не пересечь наших рельсов

в двухместном купе гуляем с глазу на глаз

а на последней станции
на черном рассвете осеннем
астры октябринки и хризантемы
в инистых стылых лапах

КАРТИНЫ ЭДУАРДА ШТЕЙНБЕРГА

Анша

Господи, сжался, твоя земля,
грязи и грязи окрест,
не просыхая, стоят поля,
молча ржавеет крест.
Женщина вышла к Тебе налегке –
серп на небе, серп в руке.

По ту сторону, сверху вниз,
долго на нас глядит,
верная, самая верная из
ангелов твоих, Господи.

Земля Герасима Силоева

Скажи, Герасим, эти семь пядей
наметила на черном онемевшем поле луна?
Видишь, все легче и все
прозрачнее делается твой крест,
пропуская свет
и *триединство* являя, за коим ты
рвался на небо – будто?
Увидишь, его острие прорвет небосвод
когда-нибудь.
Спи, Герасим, спокойно,
символы там ни к чему, где ты ныне,
безупречней полной луны,
и нем, как черная полоса,
слишком просторна для отголоска,
слишком узка – для голоса.

• • •

Мост над рекой как поток –
извилист, быстр, мощен, широк.
Перешептывается с камышом, аиром, осокой,
нянчит плотву на коленях,
на мостик встанет в плавнях и тонях,
лилии зацветут вокруг его ладоней.

Поток меж быков как мост,
железобетонно прост.

• • •

Лист бумаги – милость
ямки в песке
вышептать выкричать выплакать
уйти и не видеть
как подрастает тростник
сдать тебя
уйти и бровью не повести

как безупречен лист
и как песок искрист
и ты невинен чист
лишь камыши – ши-ши

БАЙКАЛ

1

поезд-мираж на фиолетовом небе
прибыл точно к моей палатке
белые платки пассажиров
весело трепетали за окнами
в последний вагон я вскочила

берег исчез
берега уже нет
береговая липовая колея это морок

2

я скала где-то среди твоих бездн
глубоко в отполированных гранях спит рыба
вершинка моя над водой
вся покрыта черным граем бакланов

3

сердце ночует в сейсмической зоне

4

высланная к черту от этой нежности
валю деревья в тайге
валю березовую свою белизну пихтовую свою стойкость
кедровый свой хмельной дух
// тяжело пыхчу ташу и грузу в вагоны

нас тут женщин не много
за проволокой колкой под плетью едкой
преданных но проданных

5

до тракта до поселка до человека
отсюда сотни тысяч верст пешедралом
сквозь заросли поросли по трудному снегу
где хоронятся голодные звери

от тракта досюда лес засохших имен

6

я больше не боюсь в чащобе волка
ведь я и сама побывала волком

пусть бьют в лицо
секут одежду сучья
пусть увязают ноги в трясине

сплошная рубка учит покою
перезрелую пресыщенную тайгу

пни истекают слизью
близость проверяет деланки

7

гребень горы подмигнул и мы полезли
// миг за мигом след в след

карабкались на кручи
деревья тянули ветви в помощь
на тросах перелетали ущелья
исцеляли укусы клещей и ползучих гадов

по вечерам у костра наши уцелевшие неотделимые жизни
щедро приливали к лицам
и мы распевали один другому
древние романсы и серенады

на гребне горы мы окаменели
достигнутое обездвиживает

8

рыба начинает летать
говорят к солнечным дням

медведи тянутся к отмелям
полизать сладких мух

в полотенцах в песок
упала ленивая плоть туристов

среди каменных груд искорки
диких рододендронов

на фиолетовом небе
прибыл поезд-мираж

ТРАВА

Над нами камень
Под нами земля
Воды по краю
Трава между ними, между

Нет ни хозяина, ни властелина
Ветру покорна
Времени года послушна
Мороз положит, дожди поднимут
Но хозяина нет

Да и памяти нет, а то разве
Кудрявилась бы бестрепетно над
Висельниками, вешателями, чумными рвами?

Как бы ей пучило брюхо
Гниение втоптаных в грязь победных знамен?

Как бы лизал ей пятки
Пепел всех ведьм, сожженных заживо?

Нету памяти, только темень
В корнях хоронится, лишь тишь
Трудится в стеблях
Дыша из земли, из безъязыкой земли
Ласково обращая к нам
Слово забвения и покоя.

Ай, что, если когда-нибудь нам вдруг
У травы случится учиться ее тишине
Нам, с нашей-то вечной трындой на шелестящем ветру

Вещей и событий

Нам, а вовсе не травмам, учиться проститься

С болью и памятью, как с нафиг

Ненужным более спасательным кругом

Как бы это мы жили бы дальше, как?

КОЛОДЕЦ

из-под земли в погреб вода сочится
наверное из лопнувших систем в вену
на пороге мокнут зимние шмотки
не просыхают на связках страстей – низкое место
дворник в трущобе бытия заколотит ставень
сунет вещи в багажник
путь в никуда
седой старик во дворе-колодце
спиной оперся о стену пламени

СЛАВНО

Славно ты земля потрудилась
глянь горы глянь озера
глянь берега
позволь мне

Славно ты земля поигралась
сумрак глянь над тобой клубится
увидеть дольний свет
позволь мне

Славно ты земля погуляла
глянь полны беженцев тракты
глянь полны бражников кущи
позволь мне

Славно ты земля помолчала
молчком глянь пытана
пытана молчком
позволь мне

БЕСЕДЫ. ОСКАР КАЛПАК

•

вы холопы из липовых своих краев
из Бродов Грязей и Падей
издольщина безземельная
веки вечные горькие гроши
гривны кроны фунты стерлинги и дукаты
в хозяйские руки барщина десятина полы подопы господам
рукава мыски сапог кланяться целовать
род нареку именем Калпак: калп – раб – холоп

•

отец
я стану священником – врачевателем душ
а то врачом – хранителем жизней
а то педагогом – нести людям свет духа
сын
оставь надежду
нет и не будет в наших краях денег на школы
и всего-то лишь одна школа бесплатна...
воин – я?
в дальний путь казенная музычка

•

отец
мы карали смутьянов – рабов на иркутских улицах
сброд взявший вилы
в педагогическом классе на занятиях по свойствам спектра
на кафедре семинарии пока орган пел страсти Матфея

а доктор полоскал ушко больного младенца

и я заслужил в боях медаль «За усердие»

отец

как же это?

сын

в наших краях поля замело зима глубока березой топлю

а на липе для синиц подвесил кормушку

•

отец

что твой тесак для свиной – четырехгранный штык

я верный раб твой четырехгранный штык

рука не смеет дрогнуть

целясь во вражью печень

Святой Георгий Святая Анна

грудь разукрасили мечи и банты

гоня в упоении за всё новой смертью

под иконостасом груди удары сердца черны

отец

как же это?

сын

в наших краях окончен сев на холме за овином рожь

возле дубовой роши пшеница а завтра толока

хочу послать тебе в письме наших одуванчиков запах

•

так что ты нам сегодня сыграешь Калпак?

в рассветной атаке гранаты проборонят поле

руки ноги и головы посыплются семенами

выйдет жать пулемет

так что ты нам сегодня сыграешь статный скрипач?

в окопах под слоем дерна в белой сорочке из бани

•

скрипка в кружеве тумана квашней набухла
смычок как полено – тяжел

•

где пахари наших краев бортники скотницы косари?
где пес подпаска сверчок ласочка где ласточки?
с дуба в каменной глыбе выбитого лист пал
бронзовая скрипочка ах боже ты мой

•

и Ричард Гурский в мадонской музыкальной школе
и Галениек в Домской церкви говорят
не так давно мол в сновидении *Шумана* Калпак
деку к подбородку прижав
оглаживал гриф и порожки и струны

• • •

Мой пьющий брат
из этого города
загудел в метель
и лег на снег
укрытый смертью
моя гулящая сестра
из этого дома
упала в подъезде
и легла в пыль
с грехом в изголовье
много мертвых моих
на тротуарах и лестницах
живые в саванах плоти
еще на губах слова
сгоревшими лампочками
как перейти мне вас
открытые небеса
пару ступенек
где вы
между мной и вечностью

• • •

теплей укройся идет мороз
у храма на горе глухой голос

старого серебра
в шкатулках фамильная тяжесть
яблони сада Радзиной
в меня окунают пряжу

вселенной манкая широта
на стебли шиповника во дворе
наколота лета карта

триста лет назад я учила чьих-то детей
под крышей той самой

на небесах горящая чаша –
вот дом мой
вот дом наш

• • •

стоя на холме всё видишь одновременно
вот мама по дороге из школы сажает под смородиной липку
под ней наш сын седой старик держит за руку внука
вот мама и дочь обе юны и прекрасны
румяные держат сковороды с печеньем
ждут своих любимых с войны за праздничными столами
зовут мотоциклы и журавли ты мне шлем поправляешь
у твоей мамы платье принцессы
ей снятся далекие версальские сады то и дело
наша первая встреча льдины над головами
берешь мою дрожащую руку ведешь за ветками вербы
на дереве галчатами галдят наши дети
идут дед и внук вместе *се*
ять рожь в распаханном небе

РОЩА

осыпалась облепила
дранка мишуры лица
облепила врачует раны:
горит слизистая языка
и мы укрываем язвы прохладной мазью
мишурной дранкой детей облепиховой роши
землю Радзиной засаживая отец обласкивал корни
ласка подобно ягоде зреет
ласковым голосом звучат языки в облепиховых лицах:
непролитой слезой ороси сдавленным криком удобри
зазеленеет

ПРИГРАНИЧНЫЕ ЖИТЕЛИ

вот и они на вечных упряжках, одиночных и парных,
на «запорах», «горбатых», «копейках» шикарных,
новых «явах», «ижиках» и «эмках» старых.
полон двор гостей, успеи поздороваться, замесить квашню.
эти – ежиком – они победовее, сын бежит показать
им конюшню,
ты, доча, дуй-ка розовым садом прямо на пашню.
эти – кудрявые – набожнее, веди-ка их, мать, к клавибордам,
к новым аккордам. к бабушкиным пряслам и пльцам.
вот они наводняют двор, изучают мое семейство,
твердя о чести, долге, сидя на долгих скамейках.
подаю блюдо с пышками, оно выскальзывает из пальцев,
падает сквозь дубовый стол, тот рвется, как паутина,
вой ветра в стойлах, лишь «эмки» облачным серпантинном.

• • •

Как хорошо, что ты дома, я решила. У меня здесь покой, и чувство такое, как прежде, когда и в самом деле семнадцать, а глядя на лица друзей, видишь лишь проносящиеся мимо шоссе. Текут дороги, текут их белые метки и ночи с рассветами, что еще не случились, текут беседы, но так ничего и не сказано, и братец рядом. Младший брат, он видит, как ты смеешься, куришь, как ждешь первых почек, плачешь. Кому известно, что запахи булочной в четыре утра – это бантики, и ты их успеешь разгладить, пока не проснулся свет? Потом сможешь носить целый день.

Не знаю, хранят ли плечи легкий запах. Знания – это россыпь лампочек на учебном пульте физического кабинета. Надпись во всю стену: думай! – но все, что ты можешь – любить. Слово, которое ты спрячешь в записку на все грядущие годы, чтобы лишь изредка восклицать: да, и мое сердце «тяжело, будто внушительная попа дамасской леди». Пока же у тебя один лишь Хикмет, птицы и легкие губы. Мне нравится, как ты пахнешь ветром. Дрова приносишь. Приносишь дерево, чтобы согреться. Приласкай меня за все вечера, за горькие рельсы и лесные тропы. Твои руки – птицы, я сама – Нильс Хольгерсон, вечно хочу так лететь.

• • •

даль набухла бременем
тяжелым и темным выменем

человек иной закалки отворил засов
с выгона в хлев увел коров

как струи алого молока лучи
облили плотные занавески желчью

семечко в горшке цветочном
не нашло земли
одну почву

ИСТОРИЯ

Век твой разве чем мой утешит
мой разве хнычет
далече речистые далече певучие
голоса в небесах
пот в земле земля в жмене
жменя в кулаке кулак в спину мне тычет

вон с твоих осин летит серебро
едокам в хлебово летит в разверстые
пасти псам
жар твой разве чем мой утишит
пасти серебряной оскал недобр

оглянись в конце борозды оглянись
у церковных врат
мощь твоя разве моей поможет
пройдузь-ка вон осины
без серебра
пес колотый камень гложет

ДВИНСКАЯ КРЕПОСТЬ

•

мост в огненной купели
лошади прыгали в Двину и сразу тонули
топящие верховые не унимались
грунтовые воды мутили в поход на крепость
грунтовые воды по тоннелям чинно бегут в казематы
где бражничает гарнизон казацкий
защекочивая узников спяна
воды бьются разрыхляют стену
кирпичи заблеваны зеленой слизью
у крыс есть выбор
крест
волны

•

три века в четырех классах
иезуиты школили нас
первый класс – латынь
дух ощупывает изнанку земной коры
второй класс – грамматика
мякинный хлеб как некрещеное подлежащее
третий класс – синтаксис
однородные гложут зато межзубные строятся пахнут
четвертый – поэзия над связанными туманом узлами Двины
воскуряется и замыкает круг

•

заросший солдат в черной шапке императорского полка
чужой без лица на дворе трижды в лицо ранен
выкрикивает сам себе скребущий приказ
целится пальцем в курочек и в овечку
мать растерялась и ну науськивать пса
отец с поля идет и ну в охапку сомлевшее тело
некогда белобрысого жаворонка из церковного хора
несет в амбар моет давай-ка мать накрывай
в бараньем супе тает завиточек сметаны
на толстом ржаном ломте – масличко
что ни ночь в рваном сне
лес стволов его лоб лупцует

•

откуда этот спокойный свет свечей
и в святости над нами простертые руки
когда горящие стены лезут
на мощи святых
над плачем пленных чужеземцев в подвалах?
мы *Юрис-Георг* и братья иже со мной под ступенями
иезуит прислужник монах
мой прах хранит свободным вход а лестницу чистой
уже четвертое столетие подряд о дитя
в воздушную могилу святыни
а святыни суть воздух насущный

•

стучатся черные изгнанные конницей тишины
падая на колени у ворот цитадели
тишина точна
она аккуратна

в оранжево-красных фортах скотинка пьет на заре
в серебряно-черных фортах туннели подняли забрало
десятилетний пацанчик часовой Маркус Ротковиц скользит
долгими зимами над двинской водой
в долгие лета

КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ. ЗАМОРОЗОК

Купала. У жеребца
глаза слезятся.
В огне выживший,
кончается братец под родной крышей.
Где-то – здесь, у сарая,
задыхается песнь, умирая.
Где-то – тут, под забором
чужие слова в моем рту, как воры,
света боятся.
Где-то – там, за дверями,
гости в собственном доме, чужаками
мы пред вечностью встанем
с пустыми руками.
Уходят мои дорогие,
в новых постолах ноги,
с лицами, песней омытыми.
К белым церквам уходят,
огнем не убиты.

Купала.
Жеребец у порога
в дальнюю взнуздан дорогу.
К полозу примерзает голос.

ВИДАВШИЙ ВИДЫ

Видавший виды, это был видавший виды, выпивший убежавшее молоко и хохочущий смачно –

– я просадил королевский замок со всеми башнями, теперь я король и у меня застоялись глаза, ай, как хочется погладить трамваю усталую спину и парковую эту скамеечку, гарцующую так гордо, словно вот-вот на скачки по Эспланаде со мной на спине, ты не слушай, голуба, я просто-напросто виды своим застоявшимся глазом видавший – ничего стоящего не скажу.

КОЛКА

•

как-то мелко мы жить стали
излиха утопленников в наших водах
а ну поставим маяк!

полсотни лет в Калтенских кузнях
биты камни тасканы битюгами
сложен на мели остров
подпущено огонька на вёже
так что и глаз не отвести
алый цвет что негa невесты
увидят благословят поплывут дальше
девятеро посменно
живут-поживают в башне

•

маяк кораблю что есть силы
вещает своим колоколом туманным
пламенем жаровни

не ко мне

как-то мелко мы жить стали
перехлеста волн отлива прилива стальные борта не держат
на песке-соли трав и коровы тощи

бурун из морской глубины под ногами
плещется брызгами останков:
мертвыми пятнами нефти

•

сторож:

куда ж мне теперь на берег
похоронит лед-от и сани и лодку

в золоте сосуллек на солнце
ангельская флейта что камень
уводит она меня своей властью
в небеса от чадного света мелководья

с маяком я морозом перевенчан

ДЕТСТВО. КИРМРАГС, МАЯК

тьма тут как тут. за кадром
остались белые вспышки маяка. память детства. секунда света
три секунды черноты. зубчатый лес кадрирован ритмом.

луч над
водами, травами дюн и мокрым песком. казалось, так будет
всегда: не было

вёсны, осени. топь, сушь. граница песков переходит сама себя
потоки и мели. дорожки лун, звезд. кристаллы льда, в снегу
утопающие небеса. магнитные и солнечные бури. достаточно
протянуть руку, как.

ритм всё тот же. вдох, выдох.

ПУЛЬСАЦИЯ КУРСЫ

1

неисчислимое стадо синих коров
как в замедленной съемке ускользает в море
туман свивается в клубки затягивая увиденное
так что я уже не знаю было или не было –
разом было и не было разом словно мое вечно
встречь сну плывущее существо
находит и не находит разом получает и не получает
а сердце смотрит смотрит и вновь надеется разглядеть:
белый туман над водой вьется поднимается на крыло
и в жизни не виданные лишь во сне встреченные
синие коровы древних ливов
как в замедленной съемке исчезают в море
могу тосковать не могу коснуться а туман завился в клубки
скользят скользят и скользят –

было и не было разом, точно мое вечно
встречь сну плывущее существо: находит и теряет
находит и теряет... все только на миг

на миг

2

не могу вспомнить слова – мелодию знаю но слова
солнечными зайчиками манят поджидают пока не
отбегут чуток дальше а я за ними во всё хорошеющие
давно позабытые луга всё выше в небеса
// всё глубже меж корней

не могу вспомнить слова – где-то тут дни текут близко
по моим свету открытым линиям руки
седая прашурка придет стряхнуть пыль и снова (я надеюсь!)
легко наметит утраченные вчера
курсы движения
и давно забытые карты

3

веки мои это карты древние и живые
сдунув пылинки с карт прочтешь всё то
что вбито в мысли продуманные пути пройденные
и в предназначенное мне
даже тогда когда утро еще не настало
на веках лишь миг спустя свет затеплится чайка закричит
и по губам побегут так быстро слова
стрижами торопливыми –

тогда седой лив рыбак
вблизи от моих пяти чувств отчалит от кабы время
и скажет на языке (которого не помню) первое слово дню
древних картах найденное –
и каждая буква тех карт дорогой сердцебиенья
в быстром световом беге над веками
сквозь далекое прошлое
втечет в предчаянье этого дня

4

пристально изучая мое лицо прочитаешь далекие реки
места где некогда росли деревья дома с коптящими трубами
окруженные лесами (где и руин уже нет) луга
со множеством пасущихся синих коров древних ливов –
я слышу, как они уминают траву

как медленно и задумчиво жуют наблюдая за мной
умными глазами – это
всё (убеждена) записано у меня на лице в линиях руки голосе
акценте походке – я только

уже не могу расшифровать текст язык позабылся –
и не могу читать то
что во мне записано глубоко-глубоко
что изредка накатывает руслами исчезнувших рек... да нет

просто накатывает

5

порой за миг перед пробуждением вдруг знаю
как называют ту реку чье русло я ищу покуда живу
ищу день за днем только не могу найти нету такой реки
а ведаю что есть – различаю журчанье воды знаю
что там – на ее берегах – черемуха так бела и так горька
как нигде больше и правда
порой вдруг: утром перед пробуждением
моя мать из далека-далека входит в речной поток и
сквозь годы без конца сквозь времена что переменяются
скупо отмерят
щедро отрежут
медленно напевая держит руку над веками и глядит
вдаль на меня – и

в глазах ее такая страшная жажда разбудить меня и
охранить перед дорогой мой путь
что в сердце поют ясные бубенцы: я просыпаюсь к рождению
я рождаюсь вот я
обуюсь пойду найду реку текущую в бесконечности времен
на чьих берегах моя стародавняя мать бдит над руслом

тихо заговаривает со мной теплой речью курсы и
горькая черемуха нежные цветки в реке к которой иду
которую ведаю и ищу день за днем – да
в ту реку
нежные цветки сыплются...

6

вольно и непринужденно качается лебедь на спокойной волне
а серебряная поверхность воды рябит словно миг
что всплывет и исчезнет – всплывет и
вновь растворится
каждый взгляд проблеск
каждый взгляд попытка угадать
что ветер шелестит что серебро воды говорит
 все-таки до сих пор не умею вслушиваться –
до сих пор уши заложены и зрение не проникает дальше того
 куда оно проникает...
однако

вольно и непринужденно качается лебедь на спокойной волне
и море теплых невесомых огоньков столь бесхитростно
 слепо бьет мне прямо в глаза
что я отдаюсь его касаниям как ребенок отдается
 веревкам летящих качелей –

и слух понемногу открывается
и глаза делаются озерами

7

остовы затонувших судов и бесчисленные обломки
горы компасов без или же со стрелками но таких
чьим показаниям всё одно не веришь лежат в заповедных

глубинах спящего во мне моря и я знаю что там
(глубоко-глубоко) разбросан зернистый жемчуг
и вот он дремлет себе припав
к мертвому дну некогда мощного судна и его одиночество порой
убаюкано неизвестно откуда взявшимся морским коньком
а порой

его качают мгновения
когда уже утонувший во мне сон вздрагивает на волнах памяти
а я бессильна – отсутствующая стрелка компаса
не может отворить
ни путь назад ни лунную дорожку через море –

разве что порой едва-едва без причины заноеет (во мне) горизонт
и в этот миг я знаю что уже затонувший корабль...

я знаю что уже потускневший сон в этот миг не так уж и тускл
где-то в мыслях крадущийся линиями моей руки
где всё еще едва-едва еле-еле теплятся неугасимые знаки
отметивших меня давным-давно (в той жизни?..) ветра и звезды
и полного надежд паруса

8

дальние отзвуки порой подходят столь близко что видны черты
лица той женщины моих лет чужой но
столь все-таки родной в этот миг когда
она прикладывает ко лбу ладонь от солнца и я
ощущаю чужую женщину ее корни вплотную к моим
тянутся к бьющим из-под земли ключам – мы обе там
воду черпали черпаем станем черпать – и по
правде так и есть:

дальние отзвуки порой подходят столь близко
что и не будучи птицей

ты в силах распознать в небе птичьи пути
нехоженые тропы диких серн подводные лабиринты рыб и мы
все и всюду вдоль поперек и сквозь любой сезон
в корнях под землей в голосах дальних отзвуках носим
неизвестно как вдруг почуянную
посюсторонность ушедшего времени – и носим сродность
щемящую
в шуме
крови

9

не знаю –
может ярко-красные ягоды тиса* знают а может знают
вечно-зеленые иглы может именно оттого
растут тисы на жилистой земле берегов моих курземских что
гнездясь уже сотнями лет
помнят больше чем я – может именно оттого силу умеют взять
скопить да вытянуть из всё тех же многовековых корней
чтобы из подземелий наверх нести и хранить в вершинах нечто
что не смеем терять: весть об огнищах урочищах об именах
ДОМОВ

- - -

*) Вилис Скуя, зоолог Национального парка Слитере, пишет: «Патгалия гордится озерами, Видземе – холмами, Земгале – равнинами. А в Курземе есть море-океан, у которого встречаются исполненные величия мифические, но живые создания, вечные по сравнению с человеком. Одно такое чудо природы носит официальное имя *Taxus baccata* или тис обыкновенный. Вот уж был странный ботаник, что крупнейшего долгожителя Европы (в оптимальных условиях отдельные деревья достигают возраста 2000 лет и диаметра 4 метра) назвал „обыкновенным“.

Филогенетически тис как вид весьма древен – он процветал уже во времена динозавров. В нашем сознании тис связан с чем-то вневременным, поэтому в Закатной Европе его сажали возле культовых построек и мест погребения.

что силится угадать об азбуке красок вышитого узора
о силе о боли
о страхе – если и правда кто знает наверняка оттого
вековые тисы по-прежнему гнездятся на земле берегов куршских
чтобы удостоверит
если я однажды утром вновь захочу стать ближе к тому
что пытаюсь понять – начну спрашивать встав рядом
но не решаясь тронуть зная сколь ядовиты ягоды ярко-красные
иголки вечно-зеленые – столь ядовиты
что уже тень дерева остерегаться велит: нечего дескать тут
шляться
топтать без толку корни ты сердцем смотри то и дело
взгляд обращая к вершинам – оттуда
собранное в корнях
излучается яркими ягодами скрытыми среди игл – всё здесь
в кругу вековых оберегов что корешок помнит верхушка
передает и тебе
придется в рот не положенное самому почуять и звать
пока не отзовется – все звательное при тебе – никуда не делось
точно в корнях глубоко-глубоко всё
еще в тебе самом
живет

Наши далекие предки верили, что веткой тиса можно отогнать обратно в потусторонний мир не вовремя вызванный или сбежавший оттуда дух. В Латвии это вечнозеленое дерево встречается редко, а в естественной среде лишь в Курземе, в силу мягкого морского климата.

Предположительно три четверти лесных тисов произрастают в Слитерском парке. С тисом не шутят, поскольку дерево ядовито – сок его содержит алкалоид „таксин“. Утверждается, что даже сухая древесина ядовита, работавшие с ней ремесленники умирали молодыми. И еще – подав вино в кубке из тиса, человека легко отправить на тот свет. Так что желательно не пользоваться тисовыми ложками. Особенно боязливые предки тени от тиса – и той избегали!»

ночь безлунна и ни одной звезды нет над морем
 ну и пусть: так легче шагается зябким прибрежным песком
 твердя самой себе что не стоит частить

оглядываясь – так или иначе

цепочка следов никому не видна
 глубоко-глубоко в душе завидую малым птицам
 даже они оставляют знаки в песке я же нет шаги бегут... куда?
 как тут объяснишь

бегут мимо...

бегут по кругу...

в нигде... и вот

ночь безлунна и ни одной звезды нет над морем
 единственное событие: мне слышен скрип сухого песка
 когда прохожу вблизи птичьих рисунков и
 горькая словно полынь зреет правда: вписанные ветром птицами
 выполосканной морем гладкой галькой в песок следы – именно
 эти следы безлунной ночью (когда бегу мимо... когда по кругу)
 освещают прибрежную темноту и разом свет

над заросшими садами

над забытыми тропами поддерживают над веками
 моими

сквозь ночь и сон только что вновь прошагали
 синие коровы древних ливов – не одна не две а стада
 стада и стада на ближнем плане перцепции плавно клоня головы
 чтобы потрогать мокрым языком

холмики острой прибрежной осоки – и я

наблюдая как они движутся

испытываю опасение

что острыми как бритва краями могут травы

// ранить мягкие коровьи губы – и я

наблюдая как они движутся испытываю опасение
если так случится
возможно ничего не изменится: я так и не узнаю зачем
синие коровы древних пивов идут и идут во сне
что им так важно сообщить – опасаясь
если краями как бритва острыми осока ранит их мягкие губы
продлится начатое не вчера: медленно

как в летней утренней дымке будут идти в мой сон
синие коровы древних пивов
идти и идти ничего не открывая идти и идти
так ничего и не сообщая – просто будут стадо за стадом на
ближнем плане перцепции...

молча

12

воздух пахнет нагретыми солнцем хвойными иглами
отбросами моря соленой водой и еще в иную погоду
ничем особенным не пахнущим мышинным горошком – воздух
настолько витален

что рождает в глубинах души такую музыку что я
застываю робко в миг полный от земли и до самых
небес изумления

слова не умеют сказать нам то о чем говорят оттенок и аромат
и свет над водами –

и еще слова не скажут нам того что известно

одной-единственной

сверкнувшей и погасшей –

блеснувшей и в мгновение ока возвратившейся обратно туда
откуда вышла: капле, упавшей блистая с высоко воздетого

весла времени

речь застряла в забвении: втиснувшись между ветром
и неглубоким подворьем через выломанные
прохожими штакетины давно не открывавшихся ворот – но
что ни лето упрямо вновь и вновь хотя бы
несколько слов языка вдруг берут да и вызревают заново
где-то в запустелом саду в зелени бурьяна черноте бузины
в шершавых ладонях
прибрежного вереса

время не может отнять
если сама не позволю и

või sa äd un? – а ты не забудешь? спросит
валун вросший в морской песок
спросит долгие годы выстоявшая на ветру сосна спросит
и опять во сне придет старый лив рыбак но мне не сумею
ни найти слова ни подтвердить клятву (рот
нем) *äb, äb kunāgid. ma lāb sin azmōl! – нет, никогда. я иду
твоими следами!* из глубока-глубока явившаяся сродность
вдруг в теплом пульсе
и в шуме крови
отзовется

ädskunāgid sōm tegiž kubbō
как-нибудь встретимся

белый лебедь часами беседует с серым морским валуном
и я (сидя на берегу) не слышу, о чем спрашивает
птица и что отвечает ей камень – я (сидя на берегу) и
следя за обоими

запустелым подпевать – и правда столь долго
сколь будет над морем звучать голос чайки во мху
скользить ящерка
сколь древними и живыми картами будут веки мои сколько
буду я рекой – насколько

вспятьтекущей
ведать

• • •

хочу снега, хочется тающей прохлады на лбу
ветров с севера
(где чернеют эстонские леса, шхеры, фьорды)
желто-красный пусть станет уже графикой ч/б
звучит гамма
(ты ведь играл в детстве гаммы?)
прозрачная ясность до мажора,
смотри, так ясно это утро.

ПОБЕРЕЖЬЕ. ПОСЕЛОК

•

даль пуста взгляд черствеет
черпая молодецкий улов среди крутых валов
опружится пойдет на корм рыбам
тем самым что мнилось людей потешат
ждет напрасно старая на берегу
латает сети бочки-палтухи ладит

•

ладонь на лбу ласкова и легка словно песок

•

жилы корней соснового бора
сдержат зыбучую хищную дюну
Мать леса явится нам и засеет пески
сухими мхами лишайником мелкой брусникой
а пожранные горой дворы без устатку
косами размахивают бранясь
дудят барабанят танцуя
людям ни на миг уснуть не дают
и деготь на пути ливневой лавины
варится жируя дубленую кожу

•

в собачьи дни нечисть выныривает нагоняя волну
стискивая рассудок железом
с песней третьих петухов на губах
тридевять праотцев вдруг
вылущиваются из стручков и встают стеной –
хозяева Изумрудов

ДОМИКИ-ГНОМИКИ. МЕДЛЕННАЯ БОЛЬ

I

Ходи себе по праздникам в костел или нет – и так и так свяшенно шествие среди грядок, жреческой мощной листвы и всего такого, растущего благодаря воле Божьей и порядочному навозу, а грош цена всему, что не цветет и не плодоносит, само собой мы все однажды помрем, но давеча урожаем смороды на диво, чего ж они бьются, те буйные, с этой ли стороны ворот или с той застряло оно, что покамест не прощено, и жабою жизнь крадется к колодцу, газеты читает, о честности судит, но пашет-то от души – пашет-то, чтоб выросло, бороною можно оборонить вселенную, что всклизь из рук всклянй, и разровнять время, словно грядку перед посевом редиса, но охапка дров, нужная в комнате, что ни год, тяжелее, сколько еще – столько, сколько еще в шеренге неподдающихся домики-гномики

II

Осень, капуста в бочке и ягоды в банках чтоденный пропойца то дома а то у соседей ноне хвала Господу мир в журналах картинки далекие и прекрасные земли сосуды и связки суставы скрючились и болят у любого королевства есть выход и вход и персональный обет молчания

жито ведь по закону и стол ведь по чести
накрыт и двор ведь убран давай
разогнись концов не видать это
просто зима там

III

Петерис трижды предал петуха слышав камнем
стал, красной кирпичиной, гласом на хорах стал
и шпилем в верхах, но петух на утро заново спел
и по-новому женщина посмотрела, башку петуху
снесла и в котел, она-то грешила, но вот
предать не успела, Боже, да разве ж
это не дело

В ДУХЕ ГАРСИА ЛОРКИ

я видела свою смерть
не за оградой
не в шелке простынь
стол был накрыт
наполнены кубки
обмотки сняты
масло на ранах
елей на губах
вили в стволах
гнезда кукушки

гопота не зевала жирными ртами а взлетала от жаркой похлебки
мулы в сбруе смаковали вино одуванчики зацветали в поклаже
мои дорогие сплошь танцевали днями и ночами и днями
бичами пошелкивая грудями помахивая как цыгане
сама я залезла под стол как дитя ай-ай собака
и время дорог я с пяток своих соскребала
тем самым белым платочком смерти
глядя через которой все кажется
простым и прозрачным

ЧЕРНОВИК

усталость не позволяет строить длинные фразы. мимолетное
не высказано. пусть.

эти напряжения на работе. незащищенность. не ляпнуть бы лишнего.
осторожные жесты. часы бегут. быть ножом, режущим
белую мякоть дня. как масло

(ах, ехать в таллин, все позабыв, на какой-нибудь сейшн,
неважно, главное – ехать.
брать серое ночное шоссе, бездумно, изменчивый бисер
звезд над лесом.)

высверки пустоты. вернуться домой. обыденность ужина.
пусть. пусть. пусть.
напеть какой-нибудь обрывок, очень тихо, чтобы
не разбудить соседей.
спокойной ночи, хорошие мои, нерожденные мои.

МЛАДШЕМУ БРАТУ

1

обманчив вечерний покой обманчив
остатки неба тремя узлами увяжет в платок
первый узел за гнев
второй за то, что не сдюжил
третий за то, что одинок
кто твои вежи сочтет
кто твое горькое выпьет –
города мутноватый квасок
не обрадует не освежит никак
лисонька-лиса неси меня за леса
пульс со смещенным центром веса
для улицы великовата птица – сейчас
за угол прыг-скок заячий шанс
уйти неузнанной
 прийти жданной
у какой кикиморы сцежен
этот жидкий и кислый квасок
 ноябрьских улиц сусло
кумушка-лиса – не судьба
в кармане остатки неба
а гнев да отчаяние
сгодятся в начале

2

Где взять уверенности, чтоб расписаться
в том, что выхода нету?
Дай, Господи, в гору взойти.
Дай, Господи, гору эту.

СПАСИБО ЗА ТАНЕЦ

в сером коридоре по которому
надо идти с поднятыми руками
с настолько высоко поднятыми что вот-вот
меня оторвет от земли
балюстрады на шершавых боках
удерживают свет

серая кошка с часовым ремешком на шее
скользит по камешкам пола от одного к другому
несколько раз подряд тычет мордой
мне в бок

есть время идти
есть время
идти

встретившись без разговоров
могли танцевать
выскользнуть из коридора
в место куда ты вызвал меня
обрамленное серой галькой
отчего временами все выглядит временным
отчего дневной разум вламывается
в иссохшие известковые
замки куда не доходят волны ни один звук не вторит шагам
где вместо воды живет запах

где есть время идти
где мы предоставлены сами себе и можем танцевать

с высоко поднятыми руками

• • •

Как ни суди но
сидя за кухонным
столом и ведя
беседу с ангелом
разбудившим посреди
ночи чтобы раз и
навсегда выяснить что
это так гнетут нас
неотвеченные куда это
так спешить времени
и – откуда это так
много пыли
Ведя по ночам
кухонные беседы об
этом с ангелом можно
обрести толику
смирения

ИСПИТЬ ОСЕНИ

1

осенью
пахнет осенью

повсюду рыже
русла рек на слякотных коромыслах
уносят прочь заковневших рачков

мерзнут
очень руки мерзнут

2

по ночам лимон пьянит корни
листья совершенной формы опадают с утра
истлевая в прах

ветер гонит белые флаги на водопой
солдатами в напрасную битву
рыхлые облака над головами павших
тучные ноши тянут к земле
пластик пакетов в руках спарывает знаки
различий

– с черными пальцами белые люди!
как-нибудь
заглушите мобильные
указатели одиночества
чтобы услышать снег
врачует изжелта-бледную землю

• • •

Во стонет во стенает
 во бушует ветер
гнет маковки дугой
и одинок любой
 кто против ветра
лишь тьму одну
 не сдвинуть ветру
рвет изнутри
 терзает ветер тьму
нет доступа ему туда где тьма
кто этой ночью больше
кто ночью обнаженной
 тьма или ветер
кто нежнее этой ночью
 тьма или я

• • •

издали по окнам хлещут звуки
поезд встряхивает дом и длинно взрывает
медленный озабоченный гудок куда-то
туда
никуда
она сидит и пишет
грязная посуда в мойке
она покусывает волосы
вслушивается, встает, закрывает глаза
так, чтобы видеть кровеносную сетку на веках
ей кажется, в этом может быть смысл
и, может, послание

(зима зима зима
хочу твоих рук
хочу шоколада
хочу коньков
отчаянно хочу твоих рук
зима зима
еще одна зима)

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

•

Как вьюжно перед Пасхой, как снежно, стыло,
снег стихнул, в темноте трава остыла.

– Ты болен, – молвит лбу рука, – и ты простыл.

Путь к дому тяжек, и, о Боже, так уныл.

Малы росточки-точки, поле заоченело – ты один,
тебе постыло?

А тот, кто обращается к Тебе на ты, о, Господи,
ему постыло?

Рта не раскрыть, пока один, пока ты о –
гляди, застыло.

•

Пожалуй, можно и воскликнуть

– Vive l'Empereur! – да только

не с кем чокнуться.

Напялить в тон асфальту нечто,

нацепить брусчатку, пусть не видят, не узнают.

Что говорит коллеге штопальщик сетей,

какие важные слова уместны,

пристали от ячейки до ячейки?

Слышать что-то лишнее.

Видеть что-то более.

Полушка голода

на языке остыла.

Твоя да будет воля,

Твоя – моей постыло – да.

ПОСЛЕДНИЕ РАЗГОВОРЫ

1

снова
о морщинах в уголках
твоих глаз
парашютными стропами
они удерживают в воздухе взгляд
я постранствую по тебе
снова

2

ну ладно снова
не с самого же начала
мы в эпицентре
только что спасшиися
опять выходит
нас холит все тот же садовник
все та же листва прохладна
иди хочу зарости тобой
потеряемся
снова

3

этого нам не нарисовать
видимое время внутри цветка склонившегося к твоему столу
над этими сутками
над гневными болтливыми улицами вьются ручьи
талый снег мечет рвет заклиняет Алликсаар
смотри наклоняется

гладкий мягкий широкая зеленая листва
навстречу толще льда
навстречу черноте граней
навстречу непрозрачности окон
этого нам не нарисовать
как цветку не настичь это время
но время настигает цветок

• • •

поезд заставляет дом дрожать, и во вселенной где-то
до сих пор
разлит
слякотный свет зимы 2008 года
ничего, что наступил май
холод прежний и
боль под грудинной костью и
дрожь, и страх, и отчаяние
всё по-прежнему
так странно выцвело, словно старый фильм
я скольжу
да, светопись, да, ведь всё всегда возвращается
в других сочетаниях, в изменчивой толчее узоров
и
кто-то, возможно, стоит на насыпи
и считает:
вагон, вагончик, вагон
– я смогу родиться заново, обещаю

АВТОБИОГРАФИЯ

у меня туфли за 70 латов, тени для век за 7, телефонный
счет дважды за 70
у меня «жених» (он так говорит) которого я содержу
и который меня унижает

я не работаю, не зарабатываю, не спешу, сплю по 12 часов,
живу не по средствам
у меня нет веры в светлое будущее, нет обязанностей,
нет квартиры, нет сил

«да выкинь же ты его к чертовой матери!»

он курит травку, заводится, мне его ни уговорить ни сломать
мы слиплись двумя магнитами, оба, изголодавшиеся
друг по другу

«зови меня как-нибудь понежнее!»

он расточительный ливень, он транжира
левой течет асфальт ему под ноги, паводком, и яблони
роняют свой цвет
двери, стоит ему их коснуться, заклинивает намертво,
их не выжечь огнем

«ты мое солнышко!»

в тебе +97 по шкале Цельсия и по шкале зимы
ты чистейший хирургический спирт, а я вся изранена
ты приходишь с пустыми руками,
но сердце твоё живительно, как бутон //

• • •

Мгла прилипла к стеклу
в почерневшие глаза
не войти

шепчу сквозь кожу твою я здесь
здесь нет я здесь отзывается
кожа

душа безразмерна
поместится в одной точке

птица постучала в кормушку

поместится в одной точке

птица постучала в кормушку

выгляни наружу в окно я выпала в световой клин
учась всему с тобой разом дыханье в дыханье

рождаемся
в чьей-то боли что приютит до зимы пока под снегом
не стихнет

• • •

Как бы в отчаянии встал горизонт в молчании
как будто в чаянии утес напрягся
ни чужака ни должника
нечаянных кого бы черт принес
чтобы уведомить
что связь не прерывалась
что дом не выстужен и гость не за порогом
не трогай ничего не трогай
всегда найдется кто-то
проще кто-то беднее
трогай ничего пора
стол накрой сестра
еще скуднее

• • •

журавли в полях
крики закутаны в серые одеяния

снежный пух морковная кровь
зачем уезжая смываем с себя эту землю

павшие до срока деревья глядят

талая вода
берет тебя за руку

до нулевой точки
шагать пешком

ТУМАН

Только что был февраль, глядь – на дворе апрель,
в город входит туман, входит, тормозит,
приглядывается бесстрастно, как тает все, к чему
ни прикоснется, тает и течет, исчезает
и возвращается в белую беспредельность.
В первый день мы работали,
время от времени глаза поднимая к окнам,
а там был туман,
во второй день мы продолжали работать
и говорили один другому, мол,
туман – в нем нет ничего особенного.
Пока в тумане не растаяло время,
колокола и судовые сирены
по привычки имитировали его ход,
и у нас было, на что положиться.
На третий день мы вышли проверить,
как много осталось от города вне влажной
туманной пасти.
На следующий день за завтраком
ты сказала: – Даже в такой туман здесь
нет необходимости думать о смерти.
Туман постоял за окном,
возможно, глядя на нас.
И рассеялся.

Куддига

перламутрово-салатовый мерседес,
двери распахнуты, трепещут лилиями на ветру, он
курит ваниль
улица вся желтая, август
прохожу мимо, немею и вдыхаю мыльные пузыри, стоит
вглядеться, и цыганка, широкая, плотная, укутана по самое
не балуй, гордо несет этот
город в грубой каленой черепице, спеленатый пепельной кисеей
в шагах звенят пики и бубны, и сверху видно
небо здесь чересчур низкое, цепляет макушки церквей, сейчас
на катрине часы
забьют и, должно быть, растреплют облачный пух
с чего бы еще тени домов столь сладки и вязки, как взбитый
малиновый мусс, сочатся
сквозь пальцы и герой остается, связан по рукам
и ногам проклятым местом, ах вчера был
субботный вечер
пиво слаще хлеба
пощечина честнее губ
оттого ль воскресенье бледно, что улица эта паноптикум,
настоянный
на теплом и пряном мороке, тот славный дядька
с путеводителем в руке никак
не отыщет реку, всей курземе гордость и красу
где лосося руками ловят и лебеди в водопаде бултыхают
белые блюда, бренча
золотыми камушками, что целковыми, не осчастливив пока
никого

репортер, первый парень города, и тот поверяет беды свои
детской тетради в линейку
сует в бутылку и мечет хвостатой кометой с моста
пусть простачи думают – там звездопад и как же хочется
убраться отсюда

ЛИЕПАЯ, КАРОСТА

парень с мотоциклом – такой, на первый взгляд, обычного достатка – в кожаной куртке, бритоголовый – местный бравый перец, да? – ну, не знаю – проехался к морю на моцике, вот, стоит, уставившись в горизонт – ждет кого-нибудь? (женщину? почему ты знаешь, что женщину?)

я удаляюсь, иду в направлении северного мола, оглядываюсь – все еще там, неподвижен, как будто врос в землю – темный силуэт на фоне небесной иллюминации – парень курит – такой покой повсюду

закат

такойпокойповсюду, покойповсюду, диги дон, покойповсюду

он, разумеется, не поэт

он, возможно, продает или ремонтирует

автомобили или служит в полиции

он стоит, уставившись вдаль

возможно, думает о подруге

о том, как сказать жене

он понемногу сливается с пейзажем, подернутым

дотлевающим в сумерках заревом

(утробными голосами левиафанов перекликаются корабли)

если ты сильный мужчина
и вы оба возвращаетесь к твоему вольво
ты говоришь «встань на солнце»
и она послушно выпрямляется
едва заметно утопая в песке
понемногу исчезая
с обломками обеих империй разом
смотрите – девушка, бетон и бурлящий весенний свет!

в спазме вспышки ее курточка блещет
близной как летящая чайка
и мужчине на краткий краткий миг
на то время, пока траектория треугольничка высверком
пересекает сосны
так вот, ему кажется, что беря ближним планом ее лицо
объектив считывает следы недавних прикосновений

ТРЕЩИНЫ

сколь грандиозны эти трещины в облаках. сквозь них
просачиваются солнечные лучи. трещины ходят, смещаются.

роскошь. попросту роскошь.

слежу за тем, как уходит еще один день.
и я скольжу, да, в последнее время меня преследует чувство,
что я скольжу
пора на каток. ну конечно, этот лед патентован. крепок.

стальные лезвия чиркают, рассыпая серые искры
круг, еще один, еще.

держат ритм. не падать легко, если чувствуешь ритм.
если чувствуешь.

подмораживает. голубые бивни прожекторов.
коньки отбрасывают тройные тени.

трещины затягиваются.

• • •

когда их нет
ты гладишь рукою живот
думая о том, что сила ростка способна пробить кору асфальта

«я самая красивая продавщица на этой
улице, в этом квартале, в этом городе
я прекраснейшая из продавщиц, что
когда-либо работали в мясном магазине»

у тебя сильные белые руки
похожие на весла и стрелки часов
кажется, ты проста и чиста как вода
и твои темные ночные мечты
выдает лишь угольная гадючка
свернувшаяся на сонной артерии
никто до сих пор ни видел ее пульсаций

«они обычно спулые
вот как этот мужчина
широко растворяет дверь
побздынкивая словно генерал
инкрустированными глазницами
пристальнее всего вперясь в себя
как в жалкий кошелек с мелочишкой
и просит самое жирное из всего что тут есть
видя во мне лишь механизм равноценный весам
или сломанный банкомат, подлежащий утилизации
пожалуйста, не отвлекайте его, пока он сконцентрирован
на моей руке, касающейся мягкой курицы с прохладной кожей
когда бы он видел! какими я вынимаю их из картонных ящиков
с поникшими крыльями, растянутыми ногами, тогда я – кррякш!

движением таким, как если бы я вlepила по клавишным, крякш!
и бедра бройлеров складываются послушно и нежно
становясь похожи на титьки ждущих женщин
с выпотрошенными внутренностями!»

когда их нет
я самая красивая
я афалина, чья морда ткнулась в стекло аквариума и бздынкнув
растворяются двери

САЛАСПИЛС

облачное спрятало звездное. над рекой встало
дыхание, полное холода
немного горечи. немного дымка. немного
смирения. немного неведения
мы идем, а трасса вдалеке не смолкает: световой пунктир,
неоновое ожерелье

запаянные в металлические корсеты люди движутся
одним им ведомыми путями
все окончательно. ничего не завершено
дамба уводит нас вдаль, к самой плотине. но мы возвращаемся

подле кафе новенький бмв, серебристый, 7-я серия. блестящая
юная женщина курит
в сигнальном свете переливаются крашенные волосы. ожидает
кого-то? не ожидает?

короткая красная траектория сигареты во тьме

я балансирую на бетонном парапете. упреждающие надписи
желают мне смерти
вдалеке вибрируют силовые поля

ЭКСПРОМТ

что может быть печальнее чем саулкрасты
вечером в ноябре
дороги заледенели и ветер сечет лицо, стоит встать
на забытый паркинг
в поисках счастливой стежки-дорожки к морю
к морю, мечушемуся на своем холодном, песчаном и ледяном ложе
ты продрог до костей, до нервных окончаний, до трепещущих
жил, до сути вещей
дрожащими пальцами вставляешь ключ в зажигание
мимо скользят слепые дачные окна
пустые киоски бесплодные сады грез
лишь шорох шин лишь шелест ветра
лишь шоссе

• • •

Дождь в каждом городе, а мы уже старше, чем реки мира, эти дольные воды прохладны, и мудрость приходит греть лапы под боком у спящей кошки.

Бабушка сберегала грамоты с родовым древом, вряд ли они помогут, там имена с моим кодом крови, мне их полагалось бы знать, но они дождями и реками мира вымываемы начисто, вот теперь мы подкидыши без записей и прозрачного знания о прошедшем, а дожди и прочие звуки мира способны настолько развязать руки, что осмеливаемся свершить что угодно.

• • •

ночью рекой глухой золотой листвою
сдабривающей мрак горчицей сырой
царь Соломон (оттого что богат
да женат) привел к тому берегу
где женским духом не пахло
«хоть где-то этим блядям не место»
баржу запятнанную грязью и мраком
«Анжела Глория» (пацанка шлендрает
по нашей сторонке средь шалашовок
река шипит, она швыряет бычок
ради плевка приветствия – хей Джולי!)
а баржа впрямь кровь и песок и свинец
в двухстах и двух шагах якорный конец
эй, на барже! падших ангелов много ли?
гниют на палубе меж черных штабелей
«ту-у-у» аж до амстердамских борделей
Господи, твой сукин сын Соломон жирует
ночью на берегу где не место женам
глянь-ка старик жонглирует жерновами
заманивая свою семьдесят вторую

• • •

год
отец у матери спрашивает совета
время ест мускулы
и олады политые потом
выцарапанные из наших ртов

боже миленький
подержи меня на ладони
и время от времени
волка ну или же собаки
трогай мой лоб губами

затворю дверь тишины
голос тук-тук
ждет меня на небе стража
три
три-та
три-та-те

Речь

Речь:

смехом на устах,
словами,
слезами и кровью своими
на устах –

желтые ядовитые цветы целовал,
хмелел и в желтую пыльцу падал,
ликуя, пыль дороги и самое язык
забывал, всем телом ликуя;
не так ли в детстве далеким утром, из дому
друг за другом – мгла мреет на солнце, крыши
млеют и не соврешь – все согласовано
в роде, лице, числе, времени
и в пространстве;
речь, как звериными глотками Бог речет
поэзию.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЫТЬ	7
Тайная жизнь вещей в этом доме	8
предчувствие словно птица	9
Я поворачиваюсь к тебе спиной	10
СНЕГ	11
в белом поле метет	12
ПАРАДОКСЫ НЕВИННОСТИ	13
С каждым днем становлюсь моложе	14
думать о <i>декабре</i> так долго	15
может быть твои острова обледенеют	16
В АЭРОПОРТ	17
ФЕВРАЛЬСКОЕ	18
В наш фонтан набросали ценнейших денег	20
любой из дней	21
снаружи ультрамарин	22
все стало иным с того дня	23
когда я вышла на улицу	24
Чернилами зелеными весны	26
Будильник тикает и Бог смеется	27
май	28
В НЕЗНАКОМОМ РАЮ	29
душевное тепло выцыганенное у ветрениц	30
Я остановилась в гостинице	31

сидящий под липой на Липовой улице	32
воздушные невесты реют над огородами	33
Река переполнила наши глаза	34
ПОСЛЕ ПОТОПА	35
помню улица успокоения дымка пополудни	36
мы идем касаясь друг друга плечами	37
ПЕТЕЛЬКА К ПЕТЕЛЬКЕ	38
ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, МЕСЬЕ ГОГЕН	40
меня разбудила соседка	41
УТРОМ, ВЕЧЕРОМ	42
рожок для обуви красный как язык шакала	43
ГЕОМЕТРИЯ	44
когда шел дождь	45
Неприкаянные любят неприкаянных	46
ЕСЛИ БЫ Я БЫЛА ЗЕМЛЕЙ	47
Субботнее утро	48
прежде всего	49
вчера я встретила Колю	51
Капли сумерек незримо роятся в воздухе	52
дождь обобщает изысканный городской	53
ластясь мостами	54
УЛИЦА	55
Знамя июля над	56
вкушай день этот	57
Проснувшись	58
шелк рассвета бархат ночи разгладил	59
АГНЕЦ	60
темнота качнулась в сторону утра	61
надежда в кулаке смерти	62
семь комнат в том доме	63
РАССКАЗ	64
Я чересчур легко писала	65
НОВАЯ БОРЬБА	66
ПИСЬМО К АННЕ	67
НОЧНОЙ ПОЕЗД	69

КАРТИНЫ ЭДУАРДА ШТЕЙНБЕРГА	70
Мост над рекой как поток	71
Лист бумаги	72
БАЙКАЛ	73
ТРАВА	76
КОЛОДЕЦ	78
СЛАВНО	79
БЕСЕДЫ. ОСКАР КАЛПАК	80
Мой пьющий брат	83
теплей укройся идет мороз	84
стоя на холме всё видишь одновременно	85
РОЩА	86
ПРИГРАНИЧНЫЕ ЖИТЕЛИ	87
Как хорошо	88
даль набухла бременем	89
ИСТОРИЯ	90
ДВИНСКАЯ КРЕПОСТЬ	91
КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ. ЗАМОРОЗОК	94
ВИДАВШИЙ ВИДЫ	95
КОЛКА	96
ДЕТСТВО. КИРМРАГС, МАЯК	98
ПУЛЬСАЦИЯ КУРСЫ	99
хочу снега	111
ПОБЕРЕЖЬЕ. ПОСЕЛОК	112
ДОМИКИ-ГНОМИКИ. МЕДЛЕННАЯ БОЛЬ	114
В ДУХЕ ГАРСИА ЛОРКИ	116
ЧЕРНОВИК	117
МЛАДШЕМУ БРАТУ	118
СПАСИБО ЗА ТАНЕЦ	119
Как ни суди но	120
ИСПИТЬ ОСЕНИ	121
Во стонет во стенает	122
издали по окнам хлещут звуки	123
СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА	124
ПОСЛЕДНИЕ РАЗГОВОРЫ	125

поезд заставляет дом дрожать	127
АВТОБИОГРАФИЯ	128
Мгла прилипла к стеклу	130
Как бы в отчаянии встал горизонт	131
журавли в полях	132
ТУМАН	133
КУЛДИГА	134
ЛИЕПАЯ, КАРОСТА	136
БЕТОН	137
ТРЕЩИНЫ	139
когда их нет	140
САЛАСПИЛС	142
ЭКСПРОМТ	143
Дождь в каждом городе	144
ночью рекой глухой золотой листвой	145
ГОД	146
РЕЧЬ	147

В серии ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА Русский Гулливер планирует выпустить книги Артура Алликсаара, Аны Бландианы, Иоганнеса Бобровского, Ояра Вацетиса, Жана-Пьера Камю, Курта Марти, Чеслава Милоша, Эзры Паунда, Йозефа Петерки, Юрга Хальтера, Эберхарда Хефнера, Пауля Целана, Ульфа Штольтерфота

www.gulliverus.ru; www.gvideon.com

ISBN 978-5-91627-108-9

9 785916 271089

порой за миг перед пробуждением вдруг знаю
как называют ту реку чье русло я ищу покуда живу
ищу день за днем только не могу найти нету такой реки
а ведаю что есть – различаю журчанье воды знаю
что там – на ее берегах – черемуха так бела и так горька
как нигде больше...

GULLIVERUS